

незадолго *до* или *после* определенной точки во времени. Например: *The shop is near my house. ↔ It's near dinner-time.*

Интересны результаты метафорического переноса в структуре значения предлога *beside*, изначально обозначающего предметы (людей), располагающиеся на достаточно близком расстоянии друг от друга. Рассматриваемый предлог используется также для описания людей примерно равных социальных позиций, например: *Never put his name beside mine, until we become equals!* Результатом такого метафорического сдвига в значении предлога *beside* является невозможность описания с его помощью соотносительности объектов разного социального уровня. В основе этого переосмысления лежит ориентационная метафора Дж. Лакоффа и М. Джонсона «верх-низ»: наложение пространственных (физических) концептов «верх-низ» (*up — down*) на понятия, принадлежащие социальной сфере, приводит к образованию метафоры «высокий статус вверху, низкий — внизу» (*high status is up, low status is down*).

Случаи подобных «продуктивных», регулярных типов переноса Г. Е. Крейдлин предлагает называть «правилами метафорического переноса с пространства локализации на другие виды пространств» [1, с. 20]. В некоторых случаях определить значение пространственного предлога при его использовании в ином семантическом пространстве достаточно легко, в других — возникают затруднения при восприятии иностранного языка.

Заключение. Временные, социальные и другие значения пространственных предлогов можно рассматривать как контекстно обусловленные варианты локативного значения, а вариантам их перевода в случае метафорического переноса целесообразно, на наш взгляд, уделять внимание в процессе обучения иностранным языкам.

Список цитируемых источников

1. Крейдлин, Г. Е. Метафора семантических пространств и значение предлога / Г. Е. Крейдлин // *Вопр. языкознания*. — 1994. — № 5. — С. 19—27.
2. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. — М.: Яз. славян. культуры, 2014. — 960 с.
3. Спицына, Ю. В. Актуализация временных и пространственных значений в художественном тексте (на материале произведений Т. С. Элиота и англоязычных романов В. Набокова): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю. В. Спицына; РГПУ. — СПб., 2001. — 21 с.

УДК 81.119

Н. П. Мартысюк

Белорусский национальный технический университет, Минск

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КАК ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Введение. Воздействующая функция языка/речи — давняя тема лингвистики, «никто не сомневается в том, что речевые навыки входят в число факторов, определяющих внеязыковое поведение человека» [1, с. 46], поэтому в центре внимания данной работы — понятие эффективности, символизирующее результат и оценку межличностного и межгруппового взаимодействия во всех сферах жизни общества, в том числе и коммуникативной. Однако ввиду размытости объема значения лингвистический статус этого понятия до сих пор остается открытым: денотативно-референтные и функционально-прагматические свойства требуют разъяснения.

Основная часть. Понятие «эффективность» — неоднозначно и специфицируется как внутренними механизмами речевой организации человека — восприятием и пониманием, так и его оценкой.

И восприятие, и понимание как внутренние механизмы речевой организации человека входят в перечень психолингвистических категорий. В психолингвистике в силу своей скоротечности и переплетенности между собой они полностью отождествляются, поскольку образуют единый процесс «перцептивно-мыслительно-мнемической деятельности» [2, с. 309; с. 297—298], происходящий в режиме «реального времени»: адресат действует синхронно с адресантом, «а не ждет конца отрезка речи, чтобы истолковать его через соразмерный промежуток времени, подобно критику, пишущему рецензию на книгу» [3, с. 185]. Факт отсутствия между восприятием и пониманием принципиальных различий на уровне переработки информации делает концепцию И. А. Зимней весьма популярной в психолингвистике и, соответственно, удобной для проведения исследований.

Однако вопрос о роли восприятия и понимания при обосновании эффективности речевого воздействия ставит эти категории в ряд прагмасемантических и требует их четкой дифференциации. Такое по-

ложение объяснимо, так как необходимость построения интерпретационных моделей семантики полученного сообщения в рамках эффективности речевого воздействия вызывается отчасти трудностями непосредственного применения психолингвистических теорий, ограниченных исследованиями только внутренних речемыслительных механизмов сознания, формирующих, однако, инвариантное основание для такого построения в виде психологических категорий, связанных с передачей смысловых отношений, возникающих в социальной практике общения. Поэтому в области автоматического распознавания речи, физиологии речи, нейролингвистике и фонологии восприятие и понимание рассматриваются как последовательные, переходящие друг в друга процессы переработки информации, где *восприятие* представляет собой начальный этап семантизации перерабатываемого сообщения, протекающий на сенсорном уровне, а *понимание* — конечный этап семантизации, протекающий на уровнях мышления и памяти. Что касается прагмалингвистических и лингвосемантических изысканий, то они предпочитают не выходить за рамки привычных психолингвистических постулатов, отождествляющих восприятие и понимание, хотя и отмечают опосредованность последних экстра- и паралингвистическими факторами, содействующими запланированному говорящим исходу коммуникации.

Таким образом, при ориентации на исход коммуникации как нашей основной цели моделирования мы обязаны следовать удобной для исследователя схеме протекания процессов речемыследействия и расценивать восприятие и понимание как последовательные интерактивные процедуры, обуславливающие желаемый результат.

Имеющийся в науке опыт изучения проблем речемыследействия дает нам некоторый концептуальный аппарат для создания частных моделей эффективности речи, характер которых зависит от уровня обработки полученной информации, соответствующего, с одной стороны, этапам ее семантизации — восприятия и понимания, с другой стороны, реальному оправданию коммуникативных ожиданий говорящего. Так, сенсорный уровень позволяет нам говорить о семантической эффективности, уровне мышления и памяти — о прагматической эффективности, а вот уровень реальной экспликации ожиданий говорящего (конечно же, на основе уровней семантизации) — о действенной эффективности. Все эти разновидности эффективности могут быть декодированы с помощью «выразительных движений» (термин В. Вундта [4]): либо в виде вербализованной информации, либо мимики и пантомимики, либо спрогнозированных поступков адресата, либо всего этого вместе. Попутно заметим, что при описании каждой из эффективностей мы будем оперировать бахтинским термином «*ответное понимание*» [5, с. 48], который в полной мере отражает диалоговый характер речи, т. е. направленность на поиск коммуникативных параметров языка, обеспечивающих не абстрактный обмен информацией, а тот реальный процесс общения, который складывается из таких компонентов, как информативное содержание речи говорящего и активная интерпретирующая деятельность слушающего.

Представим подробнее наши соображения относительно каждого из видов эффективности.

Семантическая эффективность как довербальная «интуитивная мыслительная деятельность» [6, с. 107] адресата определяется общей направленностью на то или иное действие пропущенного через сенсорное поле мыслительного процесса и в отношении полученной информации характеризуется возникновением ощущений, чувств и представлений (образов) — опосредованных эмоциональным фоном интенциональных состояний типа гнева, радости, любви, тревоги, гордости, ненависти и пр. Собственно говоря, семантическая эффективность как проявление ответного понимания довербального уровня может считываться с выражения лица, которое у нас краснеет от гнева/смущения или белеет от ужаса, или же демонстрироваться определенными телодвижениями: например, для выражения недоумения и нерешительности мы пожимаем плечами, разводим руки, переминаемся с ноги на ногу, а для выражения одобрения и радости хлопаем руками, прыгаем. В этом смысле семантическая (глубинная) эффективность может ограничиться сенсорным уровнем, а может перейти в *прагматическую эффективность* в виде основы для выражения потребности в вербализации интенционального состояния, но уже на уровнях мышления и памяти. «Именно благодаря речи, — писал советский психолог и философ К. Р. Мегрелидзе, — воспроизводство представлений и работа воображения чрезвычайно облегчаются. Процесс репродукции мысленного содержания является беглым, сознание освобождается от тирании сенсорного поля, приобретает свободу воображения» [7, с. 106].

Получается, что прагматическая эффективность как проявление ответного понимания вербального уровня сигнализирует о состоявшихся когнитивных процессах переработки информации, формирует ответные смыслы, побуждающие к речевой деятельности, и ограничивается рамками обещания отреагировать на интенцию говорящего. Как показывает широкая практика изучения прагматики речи, прагматическая эффективность объясняется через способность универсальных уровней иллокутивной силы — субъективности, адресности, мотивированности и интенциональности — эксплицировать ответное понимание.

Но иногда вербальных средств оказывается недостаточно, чтобы узнать, действительно ли говорящий достиг поставленной цели? Чтобы ответить на поставленный вопрос, приведем наивный пример. Изложив свою мысль, говорящий в конце спрашивает: «Тебе все понятно?» Слушающий отвечает: «Да, понятно». На этом интеракция заканчивается. Как видно, на основе ответного понимания в виде подобного квазиобещания сложно прогнозировать, сделает ли слушающий то, что от него ждут, или нет? А вот

если слушающий, ответив «Да, понятно», далее демонстрирует ответное понимание поствербально — идет и открывает дверь, пишет письмо и пр., то имеет смысл утверждать, что поставленная говорящим цель окончательно достигнута. Таким образом, именно практическая деятельность адресата является доказательством действительного и полного понимания слов и мыслей собеседника. В этом случае имеет смысл говорить о *действенной эффективности* речи.

О действенной эффективности имеет смысл говорить и в случае выражения ответного понимания в виде коммуникативного действия молчания, опосредованного интенцией согласия. Например, на занятии преподаватель говорит: «А теперь запишем домашнее задание». Студенты, демонстрируя ответное понимание, молча берут ручки и выполняют волю преподавателя.

Пока очевидно, что представленная типизация носит схематический характер и не претендует на полноту, однако, думается, облегчает оценку сложных психических процессов при проведении прагматингвистического анализа речи.

Заключение. Избрав, таким образом, понятие эффективности в качестве объекта своего исследования, мы сосредоточили свое внимание на расширении инвентаря лингвопрагматических категорий: построении типологии эффективности с учетом всех стадий протекания коммуникативного акта. Мы считаем, что такой ракурс исследования означает дальнейший шаг в развитии теории речевого воздействия, объединяющей усилия представителей разных отраслей гуманитарного знания.

Список цитируемых источников

1. Хаймс, Д. Х. Этнография речи / Д. Х. Хаймс // Новое в лингвистике: социолингвистика ; пер. с англ. Ю. Д. Апресяна и Т. Н. Молошной ; общ. ред. Н. С. Чемоданова. — Вып. 7. — М. : Прогресс, 1975. — С. 42—95.
2. Зимняя, И. А. Лингвопсихология речевой деятельности / И. А. Зимняя. — М. : Моск. психол.-соц. ин-т, Воронеж : МОДЭК, 2001. — 432 с.
3. Пинкер, С. Язык как инстинкт / С. Пинкер ; пер. с англ. и общ. ред. В. Д. Мазо. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 456 с.
4. Зелинский, Ф. Ф. Вильгельм Вундт и психология языка (1901) [Электронный ресурс] / Ф. Ф. Зелинский. — Режим доступа: http://dugward.ru/library/zelinskiy/zelinskiy_vilgelm.html. — Дата доступа: 30.01.2018.
5. Волошинов, В. Н. Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке / В. Н. Волошинов. — М. : Лабиринт, 1993. — 189 с.
6. Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации / Т. М. Дридзе. — М. : Наука, 1984. — 268 с.
7. Мегрелидзе, К. Р. Основные проблемы социологии мышления / К. Р. Мегрелидзе. — Тбилиси : Мецниереба, 1973. — 437 с.

УДК 800

А. Г. Нестерович

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К ТРУДУ, ЗАКРЕПЛЕННЫЕ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ КОДЕ АНГЛИЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

Введение. На протяжении многих веков в любой культуре человеческая деятельность неразрывно связана с трудом. В современной жизни роль труда для человека не менее значима: без труда не заработаешь денег, не купишь себе одежду и пропитание. Окружающая нас действительность отображается в языке, именно поэтому в народной копилке так много пословиц и поговорок, раскрывающих значение труда для человека. *Актуальность исследования* представляет отражение в языке национальных особенностей мировоззрения носителей английского и белорусского языков, в частности, репрезентацию отношения к трудовой деятельности среди носителей данных языков.

Цель исследования заключается в определении специфики репрезентации в языке отношения человека к труду.

Объектом изучения выступают фразеологические единицы, обозначающие трудовую деятельность в английском и белорусском языках.

Материалом исследования являются 62 лексические единицы, отобранные из сборника английских пословиц и поговорок С. Ф. Кусковской [5]; десятиязычного словаря фразеологических эквивалентов Н. А. Гончаровой [1]; русско-английского словаря пословиц С. С. Кузьмина и Н. Л. Шадрин [4]; толкового словаря английских пословиц Р. Райдаута, К. Уиттинга [6]; «Малога руска-беларускага слоўніка прыказак, прымавак і фразем» З. Санько [7]; «Слоўніка беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў» С. Ивановой и Я. Иванова [2], а также издания Т. С. Ковальчук [3].